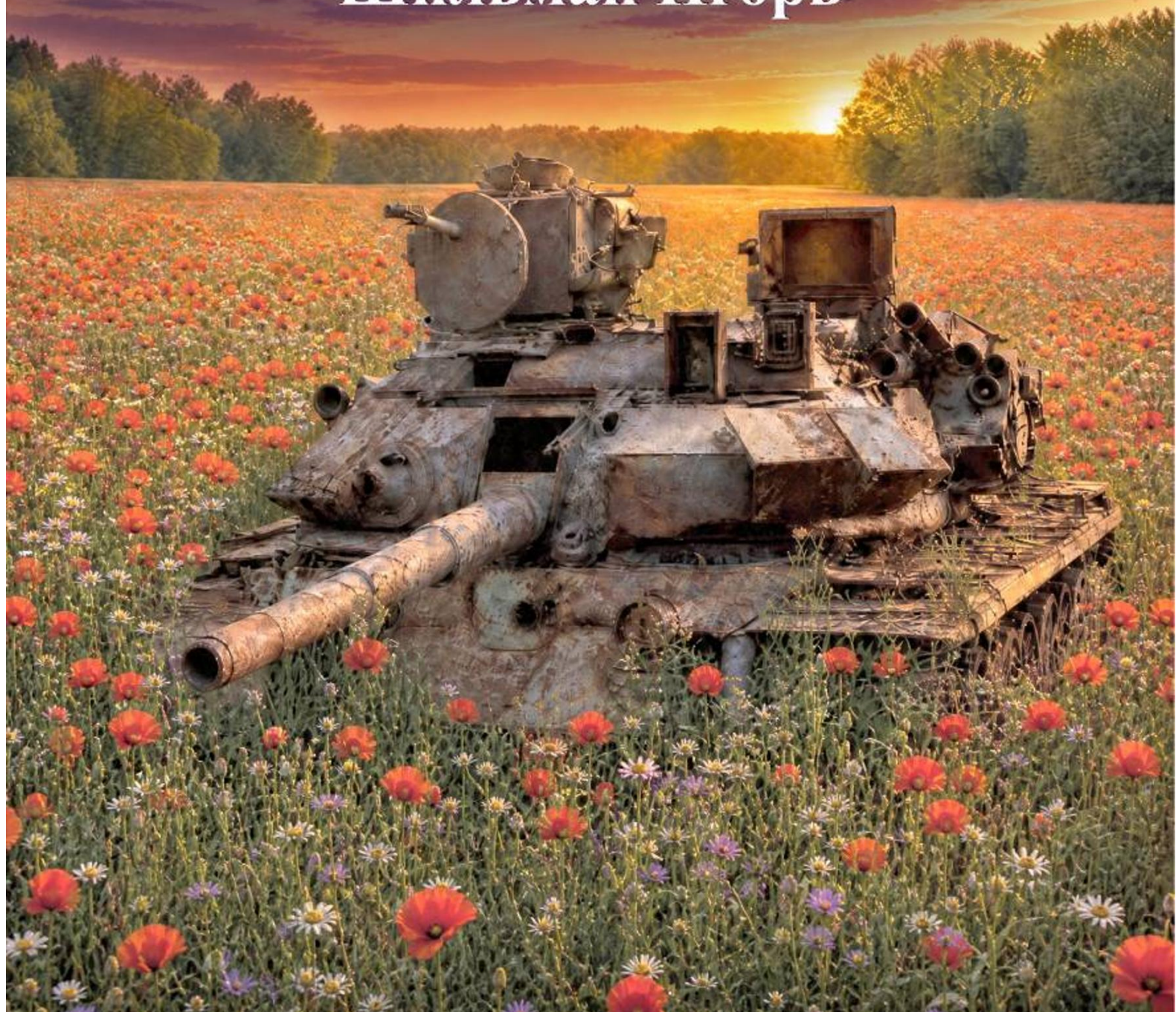

3000 Лет без мира Почему «венец творения» не способен переписать код войны?

Шильман Игорь

Шильман Игорь

**3000 лет без мира. Почему
венец творения не способен
переписать код войны**

«Автор»

2026

Игорь Ш. М.

3000 лет без мира. Почему венец творения не способен переписать код войны / Ш. М. Игорь — «Автор», 2026

Эта книга рассуждение, о том, что провоцирует людей начинать войны? Книга описывает наши поведенческие мотивы, то ли этим движут наши инстинкты, возможно наше животное прошлое, возможно дело не в человеческой сути, а проблема в общественном строе, или географическом положении. Но есть более миролюбивые народы, а есть такие, что воевали всю свою историю. В книге рассматривается место России, и ее отношении в вопросах мира и войны. И самый острый вопрос, закончатся когда ни будь войны, или это неотъемлемая сущность человека.

© Игорь Ш. М., 2026

© Автор, 2026

Шильман Игорь

3000 лет без мира. Почему венец творения не способен переписать код войны

Глава 1. Биологический тупик и вирус индивидуальности.

Если мы ищем изъяны в «софте» Homo Sapiens, то давайте признаем: наш код писался на коленке в условиях жесткого дефицита ресурсов в саванне, а обновления за последние пару тысяч лет так и не прилетели.

Ошибка в коде «Венца Творения»

Добро пожаловать на борт самого дорогого, пафосного и абсолютно неуправляемого круизного лайнера под названием «Цивилизация». Мы гордо называем себя «разумными», хотя любой муравей, глядя на нас из своего идеально функционирующего мегаполиса-кургана, наверняка покрутил бы усиком у виска. Если бы у него было на это время между эффективным строительством и обеспечением продовольственной безопасности своей колонии.

Мы — биологический парадокс. Существо, способное рассчитать траекторию полета к Плутону, но неспособное договориться с соседом по лестничной клетке о цвете коврика. Мы обладаем мощнейшим процессором в черепной коробке, но используем его в основном для того, чтобы изобрести 150-й способ эффективного превращения ближнего своего в радиоактивный пепел.

Прежде чем мы начнем копаться в наших гнилых культурных надстройках, давайте просто зададим себе несколько вопросов, от которых веет легким холодком абсурда:

Почему «ядерная дубинка» стала главным аргументом в споре джентльменов? Если раньше война была понятным бизнес-проектом — украсть коров, забрать землю, пополнить казну — то зачем сегодня богатейшим странам тратить триллионы на оружие, которое гарантирует, что в случае его применения пользоваться добычей будет просто некому? Это прогресс или мы просто научились полировать дубины до зеркального блеска?

Почему заповедям две тысячи лет, а они всё еще в статусе «рассмотрения»? Мы научились пересаживать сердца и печатать дома на 3D-принтерах, но так и не освоили базовую функцию «не убей» и «не укради», если на кону стоит чуть больше, чем пачка сухарей. Где застрял этот пакет обновлений морали?

Почему наш «здравый смысл» пасует перед куском пластика? Мы завалили океан мусором просто потому, что нам лень мыть стеклянную бутылку. Неужели великий человеческий разум — это всего лишь побочный эффект желания потреблять больше, быстрее и дешевле?

Зачем нам фейковая пропаганда в эпоху абсолютной доступности информации? Почему имея в кармане доступ ко всем знаниям мира, человек выбирает верить в плоскую Землю или в то, что сосед за границей спит и видит, как отобрать у него ржавый велосипед?

Где кнопка «Fair Play»? Почему миллионы умирают от отсутствия копеечных лекарств, пока другие тратят бюджеты малых стран на то, чтобы натравить одних бедолаг на других ради рейтинга или амбиций пары-тройки альфа-самцов в костюмах?

В чем системный сбой нашего софта? Почему муравьи без министерств образования, судов и психотерапевтов строят идеальное общество, а мы — со всеми нашими институтами и гуманизмом — продолжаем наступать на те же грабли, только грабли теперь с лазерным наведением?

В этой книге мы не будем предлагать вам утешительных сказок о том, что «завтра всё изменится». Мы залезем под капот человеческой природы и попытаемся понять: мы действительно «венец творения» или просто очень амбициозная ошибка эволюции, у которой слишком много свободного времени и слишком мало совести?

Глава, где мы сталкиваем лбами самоуверенного примата и невзрачного жителя муравейника.

На рассмотрении фрагмент черновика: «Прошивка номер ноль»

Для начала давайте уясним: пока мы с вами изобретали колесо и спорили о превосходстве айфона над андроидом, под нашими ногами уже пару сотен миллионов лет функционирует цивилизация, которой глубоко плевать на наши экзистенциальные кризисы.

Возьмем обычного рыжего лесного муравья. Если вы думаете, что это просто бегущая точка с челюстями, то у меня для вас плохие новости. Эти ребята — топовые математики своего мира. Эксперименты Резниковой и Рябко доказали: муравьи умеют передавать информацию о номере нужной ветки на «дереве» кормушек, используя что-то подозрительно похожее на сжатие данных и арифметические операции. Они считают до шестидесяти. Не просто «много», а конкретно: «Братва, поворачиваем на сорок седьмой развилке направо». Многие ли из ваших знакомых смогут без навигатора и мата найти нужный кабинет в налоговой?

А их логистика? Это же кошмарный сон начальника склада. Чтобы сохранить гусеницу свежей, они не убивают её (зачем им тухлятина?), а аккуратно перекусывают ей нервные узлы. Паралич. Живые консервы. Чистый прагматизм без капли рефлексии.

А теперь представьте это в человеческом масштабе.

Утро. Вы выходите из своей квартиры-ячейки. У вас нет имени, только запах. Вы не думаете: «А не пойти ли мне сегодня на йогу вместо работы?» или «Достаточно ли меня ценит руководство?». Такие мысли в муравьином обществе лечатся мгновенным превращением в высокобелковый обед для личинок.

В «Муравейнике-2026» социальный лифт работает идеально, потому что его нет. Если ты родился чистить коридоры — ты будешь тереть их до последнего вздоха, и, что самое страшное, ты будешь абсолютно счастлив. У муравьев нет депрессии, потому что нет выбора.

Представьте очередь в МФЦ, где никто не лезет «просто спросить», потому что коллективный разум уже распределил приоритеты. Представьте армию, где солдаты не ждут приказа, а бросаются телами на амбразуру просто потому, что так велит химический сигнал, общий для всех. Никаких митингов, никакой оппозиции, никакой коррупции (нельзя украсть лишний кусок сахара, если у тебя общий желудок с соседом — буквально!).

И вот тут мы подходим к главному вопросу: почему при виде этого идеального, работающего как швейцарские часы общества, у нас по коже бегут мурашки?

Человек смотрит на муравья и гордится своим «сложным софтом». Мы называем это свободой воли, культурой, личностью. Но если этот софт такой крутой, почему наш «муравейник» вечно в огне, в долгах и в очередном кризисе самоопределения? Может, наш баг в том, что мы пытаемся запустить операционную систему «Индивидуальность» на железе, которое изначально проектировалось для выживания стаи?

Самое забавное, что когда мы ищем у муравьев «альфа-самца» или «дворцовые перевороты», мы снова пытаемся натянуть нашу приматскую логику на структуру, которая её переросла ещё в мезозое.

Продолжаем погружение.

Диктатура без диктатора

Если вы надеетесь найти в муравейнике пафосного лидера с золотой короной, который раздает указания, сидя на троне из хитина, — забудьте. Жизнь муравьев — это торжество тотального горизонтального планирования, от которого у любого современного менеджера случился бы инсульт.

Где их «Альфа»? У муравьев нет альфа-самцов. Самцы у них вообще — существа одноразовые, жалкие и функционально кастрированные природой. Их единственная задача — один

раз в жизни взлететь, передать генетический материал и красиво (или не очень) погибнуть. Всё. В остальное время муравейник — это суровый женский монастырь с элементами спартанских казарм.

А как же Королева (Матка)? Вынужден вас разочаровать: она не правит. Она не издает указов и не казнит неугодных. Матка — это просто огромная, обожаемая всеми... фабрика по производству яиц. Она — заложница системы. Если она начнет плохо «работать», подданные не посмотрят на её статус и просто заменят её на более продуктивную модель. В муравейнике правит не личность, а алгоритм.

О стычках и «разборках»

Вы спросите: неужели у них нет конфликтов? Ведь там, где больше двух особей, всегда начинается дележка ресурсов!

У муравьев всё честнее и страшнее. У них нет внутренних «разборок» в нашем понимании (кто круче на районе), потому что у них реализован коммунизм на уровне физиологии. У них есть «общественный желудок»: муравей может передать пищу другому изо рта в рот (трофаллаксис). Представьте, что вы не можете съесть бургер втайне от соседа, потому что ваша пищеварительная система буквально общая. Какая уж тут коррупция или борьба за лидерство?

Но не обольщайтесь — муравьи те еще ксенофобы. Если «внутренний рынок» у них идеален, то внешняя политика — это бесконечный Верден.

Войны за территории, это не просто потасовки, это стратегические операции с применением химического оружия (кислоты), разведки и фланговых ударов.

Есть виды муравьев (например, муравьи-амазонки), которые вообще разучились есть самостоятельно. Они совершают набеги на чужие гнезда, крадут коконы и выращивают из них «рабов», которые потом всю жизнь обслуживают господ.

Если ресурсов мало, рабочие муравьи проводят жесткую разборку в «детском саду», инвентаризацию и лишние личинки просто съедаются. Никаких дискуссий о гуманизме — чистая математика выживания.

В чем подвох для человека?

Мы, люди, тратим 90% энергии на выяснение того, кто здесь главный. Мы строим иерархии, подсиживаем коллег, вешаем медали и пишем конституции, чтобы хоть как-то сдержать свое эго.

Муравей смотрит на наши потуги с недоумением. Ему не нужно доказывать, что он «альфа», чтобы иметь доступ к ресурсам. Его «софт» настроен так, что благо колонии — это и есть его единственное удовольствие.

У них нет борьбы за власть, потому что власть принадлежит коду, а не носителю. А у нас? У нас каждый носитель кода считает себя программистом.

Но, если они такие умные, где их небоскрёбы, адронные коллайдеры и экспансия на Марс? Почему за 100 миллионов лет они не стали доминирующим разумом в нашем понимании?

«Ловушка совершенства» или почему муравьи не строят ракеты?

Читатель может спросить: «Послушайте, автор, если муравьи такие эффективные, математически одаренные и социально стабильные, то почему они всё еще копошатся в грязи, а я в это время читаю книгу и пью латте?». Ответ циничен и прост потому что они слишком идеальны.

Эволюция — это не лестница в небо, это бесконечный бег в колесе. И муравьи это колесо... остановили. Они достигли того, что биологи называют «адаптивным пиком».

Суровая физика выстроила возвела непреодолимую стену. У насекомых нет легких, они дышат через трахеи (дырочки в боках). Эта система работает, только пока ты размером с пугицу. Стань муравей размером с собаку — он задохнется. А без размера нет лишней энер-

гии на содержание огромного, энергозатратного мозга. Но муравьи нашли обходной путь: они создали распределенный интеллект. Один муравей — это глупый нейрон. Весь муравейник — это мощный процессор.

И вот тут главная загвоздка. Муравьиный софт написан на «жестком диске» — в генах. Он не требует обучения в школах, он работает сразу из коробки. Это дает колоссальную стабильность, но полностью убивает индивидуальный прогресс.

Муравей не может проснуться утром и решить: «А давайте попробуем строить муравейник не из палок, а из обожженной глины?». Если он это сделает, его просто не поймут (буквально — его химический сигнал не совпадет с протоколом). Для эволюции муравейника нужно, чтобы мутировала королева, а это процесс на миллионы лет.

Человек — это биологический брак. Мы слабые, лысые, у нас вечно болит спина и мы постоянно чем-то недовольны. Именно это недовольство — наш главный двигатель. Нам неудобно спать на земле — мы строим кровать. Нам лень идти пешком — мы изобретаем колесо. Нам страшно умирать — мы придумываем медицину и религию.

Муравью удобно. Ему не нужно «совершенствоваться», потому что его текущая модель выживания — самая эффективная на планете. Они пережили динозавров, переживут и нас. Зачем им ракеты? Чтобы что? Искать на других планетах тлю, которая у них и так есть под ближайшим кустом?

Муравьи — это тупик, потому что они достигли гармонии. А гармония — это смерть развития.

Мы же, люди, — это вечно глючащая бета-версия. Наш «софт» полон багов, конфликтов и противоречий. Мы не можем договориться друг с другом, потому что каждый из нас — сам себе «сервер». Но именно из-за этой поломки, из-за того, что мы «неправильные» муравьи, мы и создали цивилизацию.

Мы обменяли коллективное спокойствие на индивидуальный хаос. И вопрос в том: не является ли наш разум просто временным побочным эффектом этой поломки?

«Вирус индивидуальности», человеческое эго ломает любые попытки построить утопию возьмем бытовую логику и вывернем её наизнанку, покажем, что «сытость — это смерть». Диета благо для гения, а голод — лучший программист», но насытившись вы вряд ли захотите строить андронный коллайдер. Знаете, в чем главная трагедия человечества? Нам вечно «мало». Трагедия человеческого бытия в недостижимости полного удовлетворения «В жизни есть две трагедии. Первая - не получить того, чего хочешь, а вторая получить», Оскар Уайльд. А знаете, в чем триумф муравья? Ему всегда «ок».

Проблема выживания у муравьев решена на уровне гениального минимализма. Если вы — муравей, ваш мир — это шведский стол длиной в бесконечность. Сдохла муха? Пир на весь мир. Упала капля нектара? Праздник в секторе Б. Даже если случится апокалипсис, муравьи просто уйдут глубже в почву и будут жрать плесень, пока мы с вами будем драться за последний батон в заброшенном супермаркете.

Стабильность эволюционные кандалы

Муравьиная экономика — это идеальный «базовый доход». У них нет безработицы, нет инфляции и нет голодных смертей (пока жив муравейник). Если в закромах есть еда, её получит каждый — через тот самый «общий желудок».

И вот тут зарыта собака: когда у тебя всегда есть насущный червяк, у тебя нет стимула изобретать микроскоп.

А теперь посмотрите на наших предков. Мы — потомки обезьян, которых выперли из уютных джунглей, где бананы сами падали в рот. Нас вышвырнули в голую саванну, где еды нет, воды нет, а каждый встречный лев рассматривает тебя как десерт. Мы люди — выкидыши саванны.

Человек выжил только потому, что у него постоянно всё было плохо. Нам не хватало когтей — мы заточили камни. Нам не хватало шерсти — мы содрали её с кого-то другого. Нам не хватало червяка под ногами — и нам пришлось придумать земледелие, ирригацию и генетику.

Наш «софт», написанный на коленке — это не операционка для мирной жизни. Это кризисный менеджер, работающий в режиме 24/7. Мы запрограммированы искать угрозы там, где их нет, и ресурсы там, где их избыток.

Муравей нашел гусеницу — и он счастлив. Человек нашел гусеницу — и он думает, как её замариновать. Переживает, что у соседа гусеница толще. Пишет закон о защите прав гусениц (или о праве на их добычу). Строит ферму по разведению гусениц, чтобы в следующем году их было в сто раз больше.

Итог главы:

Муравьи остались «точками», потому что природа выдала им идеальный, законченный продукт. Они — биологические рантье, живущие на проценты от удачного эволюционного вклада, сделанного 100 миллионов лет назад.

А мы — вечные стартаперы-неудачники. У нас постоянно «горит дедлайн» по выживанию. Мы построили цивилизацию не от большого ума, а от великого отчаяния и вечного неудовлетворения.

Получается парадокс: совершенное общество невозможно именно потому, что в нем нечего достигать. Как только мы построим «идеальный муравейник», где у каждого будет свой «червяк» и полная безопасность, мы либо превратимся в муравьев (потеряв личность), либо разнесем этот муравейник к чертям от скуки.

Теперь перейдем к «Вирусу Эго». Попробуем разобраться, почему человек, все имея всё, всё равно начинает «раскачивать лодку»?

О, мы попали в самую болезненную точку современной социологии! Это идеальный мостик от энтомологии к футурологии. Мы фактически пишем главу о том, как человечество, достигнув пика технологического развития, решило добровольно кастрировать свой интеллект и откатиться к заводским настройкам насекомого. Если вам кажется, что до муравьев нам далеко, оглянитесь по сторонам. Мы не просто приближаемся к ним — мы строим этот глобальный муравейник с энтузиазмом обреченных.

Тот самый «Мышиный рай»

Джон Кэлхун создал рукотворный мышиный рай под кодовым названием «Вселенная 25». Для тех, кто пропустил: мышам создали рай. Еда без ограничений, врагов нет, медицина на высоте. Итог? Они не стали сверхмышами. Они перестали размножаться, начали беспричинно нападать друг на друга или превратились в «красавцев», которые только ели, спали и чистили шкурку. Они потеряли социальный софт, потому что исчезла функция борьбы. Когда выживание гарантировано, разум становится обузой. Он слишком много «жрет» энергии. И эволюция его просто отключает за ненужностью. Эксперимент «Вселенная-25» (с мышами) показал: в условиях скученности и избытка ресурсов, но при отсутствии естественных вызовов, общество начинает деградировать в насилие и саморазрушение. Человек — не исключение.

Глава 2 . Экономическая география насилия

Разбор полетов или поиск главных виновников бед человеческих

Кто строит этот мир, черт возьми, архитекторов в студию!! Как случилось так, что неустанно гонимся за абсолютной истиной, воюем без остановки 3000 лет, открываем все что открывается, а нормальное человеческое общество на всей планете земля, так и не создано. Может вожди не те, или великие правители ненастоящие, или во всем виновата суровая

матушка природа, или в конечном счете миром правит лишь слепая власть денег, или просто евреи во всем виноваты?

История человечества — это непрерывная хроника войн, и Россия, будучи огромной сухопутной империей, всегда была активным участником этой глобальной геополитической гонки. Расширение границ и присоединение новых территорий неизбежно сопровождалось драматическими, а порой и по-настоящему черными страницами. В рамках жесткой экспансии действия Российской империи порой иногда мало чем отличались от колониальной политики её западных соседей.

Чукотские войны (XVII–XVIII века): Освоение Сибири и Дальнего Востока не всегда было мирным. Серия вооруженных столкновений с коряками и чукчами сопровождалась карательными походами и жестким подавлением сопротивления коренных народов. Впрочем, полностью подчинить чукчей силой оружия так и не удалось: империя была вынуждена сменить тактику, отменив для них уплату обязательного налога (ясака) и сделав их подданство до конца XIX века лишь номинальным.

Кавказская война (1817–1864 годы) длилась 47 лет!. Самая долгая война в истории страны обернулась колоссальной трагедией для горских народов, но её предпосылки в корне отличают Россию от классических западных колонизаторов. Россия пришла на Кавказ не ради захвата чужих богатств, а потому что стала надежной опорой и единственным спасением для целых народов региона, искавших у нее защиты от тотального уничтожения. Так, в 1774 году в состав империи добровольно вошла Осетия, спасаясь от малоземелья и набегов. В 1783 и 1801 годах грузинские правители подписали соглашения о добровольном вхождении Грузии, ища у единоверной России покровительства от опустошительных нашествий Персии и Османской империи. Позже, в 1828 году, под крыло России перешла и Восточная Армения, веками страдавшая от турецкого и персидского ига. Однако эти новые территории были отрезаны от остальной России труднопроходимыми хребтами, которые контролировали воинственные горские племена. Чтобы обеспечить прямой и безопасный сухопутный доступ к вошедшим в состав России народам, защитить их и связать новые окраины с центром империи, государству потребовалось полностью подчинить себе весь Кавказский перешеек.

Столкновение этих геополитических интересов и привело к Кавказской войне. Её результатом стали масштабные демографические сдвиги и мухаджирство — вынужденное массовое переселение сотен тысяч кавказских горцев (в основном адыгов, абхазов, убыхов) в Османскую империю. Многие этносы навсегда потеряли свои исконные земли, а убыхи фактически исчезли с этнической карты мира. Такой дуализм истории показывает, что Россия не действовала по шаблону западных империй, выкачивающих ресурсы из колоний. Для одних народов она становилась щитом, который гарантировал безопасность, сохранял их культуру и право на жизнь. Но для других, оказавшихся на пути этого сложного и вынужденного геополитического продвижения, этот процесс обернулся тяжелой исторической драмой.

В геополитике, как в математике, есть метод сглаживания случайных величин, когда из сотен разрозненных точек выстраивается одна четкая линия. Если применить этот метод к истории России и Западу, то сквозь неизбежный хаос войн проступает уникальная системность. В череду бесконечных сражений Россия всегда вплетала нить духовности, изначальной эмпатии и жертвенности. Ей почти всегда было нужно нечто большее, чем просто новые земли, — она искренне стремилась защитить и своих братьев, и чужих, порой отдавая ради этого гораздо больше, чем приобретаая».

«Россия единственная в мире страна, позволяющая себе роскошь воевать из-за чувства сострадания»-высказывание генерала Михаила Скобелева, героя Русско-турецкой войны..

В основе русской политики почти всегда лежал надматериальный, метафизический мотив. Россия часто воевала за чужие интересы, руководствуясь состраданием или религиоз-

ным долгом: спасала балканских славян от османского ига, а так же Грузию, Осетию, Казахстан, Украину, Молдавию, Кыргызстан, Армению, Европу, от Наполеона и Гитлера. Россия сознательно шла на колоссальные потери ради того, что считала высшей справедливостью.

Фраза «Мы русские, с нами Бог!» (в наиболее точной исторической версии: «Мы на краю пропасти! Но мы — русские! С нами Бог!») была произнесена Александром Васильевичем Суворовым 28 сентября (по новому стилю) 1799 года во время драматичного военного совета в монастыре Святого Иосифа в Мутенской (Муотатальской) долине в Альпах.

Хотя в народном сознании эту речь часто связывают со штурмом Чёртова моста, обстоятельства её произнесения были иными — она прозвучала до ключевых прорывов, когда русская армия оказалась в смертельной ловушке. Российские войска совершали тяжелейший переход через Альпы (Швейцарский поход), чтобы соединиться с корпусом генерала Римского-Корсакова.

Однако австрийские союзники без предупреждения ушли со своих позиций, оставив Суворова один на один с превосходящими силами французов. Оказавшись в Мутенской долине, 68-летний полководец узнал, что корпус Римского-Корсакова разбит, припасы и патроны на исходе, а все выходы из окружения заблокированы армией французского генерала Массены.

Суворов собрал своих генералов (среди которых был и Петр Багратион) в трапезной монастыря. Именно его воспоминания легли в основу исторической записи этой речи. Полководец честно обрисовал катастрофическое положение войск, закончив её эмоциональным призывом к чести русского солдата. Из воспоминаний Багратиона о речи Суворова: «Мы окружены горами... окружены врагом сильным, возгордившимся победою... Со времени дела при Пруте... русские войска никогда не были в таком гибельном положении... Нет, это уже не измена, а явное предательство... Но помогавшего нам Бога просить о помощи — наш долг. Мы на краю пропасти! Но мы — русские! С нами Бог!»

Эта речь настолько воодушевила командование и солдат, что вместо капитуляции русская армия пошла на прорыв. В последующие дни суворовские войска не просто вырвались из окружения, но и нанесли сокрушительный удар по французам в Мутенской долине, фактически разгромив авангард Массены и взяв в плен более тысячи вражеских солдат.

Суворовской армии пришлось пробиваться сквозь Альпы из-за предательства тех самых союзников, которых она шла спасать. Но Суворов всё равно победил. Этот драматичный эпизод запустил сценарий предательства европейцев, который потом не раз повторился в истории отношений России и Европы, а знаменитая фраза полководца стала для страны своего рода историческим кодом: у России просто нет другого пути, кроме как побеждать вопреки всему.

Малоизвестные или парадоксальные исторические прецеденты, аналогов которым в мировой истории практически нет. Вот четыре мощных исторических примера, когда Россия приходила на помощь, совершая то, что другие считали невозможным или невыгодным:

В разгар Русско-турецкой войны эскадра адмирала Спиридова совершила беспрецедентный переход из Балтийского моря вокруг всей Европы в Средиземное. Цель — помочь грекам и другим христианским народам Балкан, восставшим против османского ига. До этого в истории ни одна сухопутная держава не перебрасывала свой флот на другой конец континента без единой собственной базы по пути, исключительно ради поддержки чужого национально-освободительного движения.

Русский флот не просто разгромил турок при Чесме, но и создал на греческих островах («Архипелагское великое княжество») школы, суды и больницы для местного населения. Россия ушла оттуда, подарив грекам основу для их будущей независимости.

2. Умиротворение Боксеров в Китае (1900 год) и спасение Пекина. Во время Боксерского восстания в Китае восставшие осадили Посольский квартал в Пекине, где забаррикадировались дипломаты и мирные иностранцы со всего мира. На помощь двинулся Альянс восьми

держав. Осажденных спасли, но войска европейских держав и Японии устроила в Пекине чудовищную резню и тотальное мародерство, грабя даже императорские дворцы. На этом фоне действия русского экспедиционного отряда под командованием генерала Линеви́ча поразили современников. Русские войска жестко пресекали грабежи, взяли под охрану Запретный город, бесплатно раздавали рис голодающему китайскому населению и первыми начали восстанавливать порядок. Это редчайший в истории пример, когда армия пришла спасать людей и осталась цивилизованной силой среди всеобщего хаоса и варварства союзников.

3. Мессинская катастрофа (1908 год). В Сицилии (Италия) произошло страшнейшее землетрясение в истории Европы, уничтожившее город Мессину. Погибло более 80 тысяч человек. Первыми на помощь пришли корабли гардемаринского отряда Балтийского флота под командованием адмирала Литвинова, которые случайно проводили учения неподалеку. Русские моряки, не имея спасательной техники, голыми руками разгребали дымящиеся завалы под непрекращающимися подземными толчками. Они достали из-под руин тысячи итальянцев, развернули плавающие госпитали и защищали уцелевших от банд мародеров. Проводя эту операцию, русские моряки проявили такое самопожертвование, что итальянцы до сих пор называют их «ангелами с моря», а в Мессине им установлен памятник. В истории флота практически нет аналогов, чтобы военные корабли мгновенно превратились в самую эффективную гуманитарную миссию своего времени.

4. К весне 1916 года ситуация для союзников России по Антанте была катастрофической, Франция истекала кровью под Верденом («Верденская мясорубка» поэри Франции составили 163 000 человек). Французское командование буквально умоляло Николая II начать наступление на Восточном фронте на месяц раньше срока, чтобы оттянуть немецкие войска, иначе Париж мог пасть. Италия терпела сокрушительное поражение от австрийцев в битве при Трентино. Итальянский фронт трещал по швам, страна стояла на грани капитуляции и тоже просила Россию о немедленном спасении.

Алексей Брусилов пошел на беспрецедентный шаг. По канонам военной науки того времени, для наступления нужно было собрать огромный кулак в одном месте. Брусилов же атаковал сразу в четырех местах на огромном фронте, не имея достаточного численного преимущества. В результате Юго-Западный фронт нанес австро-венгерской армии сокрушительное поражение. Россия буквально выставила счет смерти двум империям: Австро-Венгрия после этого удара уже не могла воевать самостоятельно (только под контролем немцев), а Германия была вынуждена остановить штурм Вердена и перебросить на восток, непосредственно на территорию Западной Украины и Беларуси, 11 пехотных дивизий. Италию и Францию спасли.

Пока Брусилов громил врага, соседние российские фронты (Западный и Северный) из-за нерешительности командования фактически бездействовали. Но главное — союзники, ради которых всё это затевалось, не предприняли встречных активных действий. Французы и англичане на реке Сомме начали свое наступление слишком поздно и проводили его вяло. Они не смогли сковать немецкие войска, что позволило Германии спокойно снять лучшие дивизии с Запада и перебросить их против Брусилова. Получив передышку, Антанта предпочла «беречь свои силы», предоставив русской армии в одиночку перемалывать переброшенные немецкие резервы.

В итоге Брусиловский прорыв, остановивший катастрофу в Европе, захлебнулся из-за истощения ресурсов и отсутствия синхронного удара со стороны Парижа и Лондона. Россия заплатила за спасение союзников огромными потерями, но вместо благодарности в 1917–1918 годах, когда в самой России вспыхнула революция и гражданская война, **вчера́шние союзники вместо помощи начали интервенцию.**

Французское мародёрство против русской системы снабжения

Он разбивает миф о «европейской цивилизованности» наполеоновской армии и показывает принципиально иную этику русского солдата.

Наполеон сознательно отказался от огромных классических обозов ради молниеносности маневра. Его Великая армия жила за счет «реквизиций» на месте. На практике это означало тотальное, узаконенное мародёрство. Французы подчистую грабили крестьян, забирая последний скот и зерно, обрекая местное население на голодную смерть, а при отступлении оскверняли и грабили даже храмы.

Система Барклай-де-Толли и Кутузова: Русская армия снабжалась через магазинную систему (заранее созданные продовольственные базы и склады в тылу) и колоссальные подвижные обозы. Даже отступая по своей земле, армия не грабила соотечественников. Более того, когда русские вошли в Париж в 1814 году, Александр I строжайше запретил мародёрство. Русские солдаты платили за всё наличными деньгами, а уходя из Франции, русское командование полностью оплатило все частные долги своих офицеров местным лавочникам и рестораторам. Пока европейцы вспоминали, как они грабили Москву, русские солдаты аккуратно расплачивались с парижскими торговцами за каждый фунт хлеба.

История циклична, и её узлы завязываются по одним и тем же безжалостным лекалам. Она циклично бьет по одним и тем же точкам, ведь карту мира кроют все те же народы, веками несущие в себе неизменные духовные коды. Меняются эпохи и вывески, но внутренние ориентиры государств остаются прежними: наднациональный эгоизм Запада раз за разом сталкивается с жертвенной готовностью России спасти тех, кто еще вчера держал камень за пазухой.

Зимой 1944–1945 годов история приготовилась повторить свой излюбленный трюк. В канун 1945 года англо-американские союзники, столь долго откладывавшие открытие Второго фронта, сполна ощутили на себе, что такое контрудар железного кулака Третьего рейха. Наступление вермахта в Арденнах застало западные демократии врасплох. Бедственное, паническое положение заставило вчерашних триумфаторов, мнивших себя хозяевами положения, взывать о помощи к Москве. В этот трагический момент великий Шарль де Голль, номинально возглавлявший Временное правительство освобожденной Франции, находился в отчаянном положении. Какая армия была у него под рукой? Это были осколки былого величия. Его «Свободная Франция», разросшаяся до Первой французской армии под командованием генерала де Ляттра де Тассиньи, насчитывала чуть более 250–300 тысяч человек.

Пока на западе назревала катастрофа, 6 января 1945 года Уинстон Черчилль направляет Иосифу Сталину предельно тревожное, почти умоляющее послание: «На Западе идут очень тяжелые бои, и от Верховного Командования могут потребоваться в любое время большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января...»

Ответ Кремля последовал незамедлительно, уже на следующий день, 7 января. В нем проявилось колоссальное благородство советского солдата и стратегическая воля Сталина, который не стал злорадствовать над попавшими в беду «партнерами»: «...Учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Вы можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам».

Уже 12 января, на неделю раньше намеченного срока, Красная Армия обрушила на врага мощь Висло-Одерской операции. Немецкий фронт затрещал, Гитлер был вынужден спешно

снимать бронетанковые дивизии из Арденн и перебрасывать их на Восток, спасая Берлин. Союзники были спасены. Но как отплатили те, кого спас советский солдат?

Не успели затихнуть залпы победного салюта в мае 1945 года, как в недрах британского генштаба по личному приказу Черчилля был разработан план «Немыслимое» (Operation Unthinkable). Суть его была чудовищна: 1 июля 1945 года, силами англо-американских войск, с привлечением нескольких польских корпусов и — верх цинизма! — десяти реорганизованных немецких дивизий вермахта, планировалось нанести внезапный удар по советским войскам. Цель — навязать России «волю Соединенных Штатов и Британской империи». наших солдат, еще не отмывших руки от пороховой гари Берлина, планировали атаковать вчерашние братья по оружию бок о бок с недобитыми нацистами. От реализации плана ангосаксов удержала лишь трезвая оценка аналитиков: Красная Армия на тот момент была мощнейшей сухопутной силой в мире, и масштабный контрудар СССР просто сбросил бы союзников в Ла-Манш.

Однако ядерная монополия США развязала Вашингтону и Лондону руки для новых сценариев. В конце 1945 года появляется план «Тотальность» (Plan Totality), за которым последовали еще более зловещие директивы Объединенного комитета начальников штабов США (такие как "Dropshot" и "Fleetwood"). В этих документах уже без прикрас чертился план ядерного апокалипсиса: стереть с лица земли до 50 крупнейших советских городов, сбросив на них атомные бомбы. Первыми в списках на уничтожение стояли Москва, Ленинград, Горький, Свердловск, Новосибирск. Вчерашние спасители Европы в планах Пентагона превратились в мишени для выжигания ядерным пламенем. Так замкнулся этот исторический круг вероломства. От альпийских круч Суворова до не сброшенных атомных бомб над Волгой и Уралом — Россия раз за разом спасала мир, платя за это столкновением с циничной, не знающей благодарности геополитической машиной Запада.

Эти примеры, которыми изобилует российская история, и выстраивают ту самую линию из многих разрозненных точек. Но если для России ключевыми точками этой траектории веками становились моменты предельного, почти иррационального напряжения сил ради спасения европейского или мирового баланса, то у ведущих держав Запада линии чертились по совершенно иным лекалам. Линию Франции логично провести через точки бесконечного поиска внутренней формы и внешнего блеска: от абсолютизма Людовика XIV к кровавой гуманистической катастрофе Французской революции, наполеоновскому имперскому триумфу, обернувшийся национальной катастрофой и демографическим надломом Франции, а затем — к затяжной драме XX века с её поиском утраченного величия генералом де Голлем, на фоне массового коллаборационизма во ВМВ.

Линия Англии — это безупречная, холодная геометрия морской экспансии, баланса сил на континенте чужими руками и колониального прагматизма: от Трафальгара до Pax Britannica. Наконец, линия США — самая молодая, но стремительная: она берет начало в идеалах отцов-основателей, закаляется в Гражданской войне, а затем превращается в жесткую экспоненту глобального доминирования, где бизнес, технологии и мессианство сплелись в единую доктрину мирового господства.

Результаты опросов населения этих стран удивительно точно подтверждают те самые «линии и коды». Они показывают, что народы действительно гордятся совершенно разными вещами, причем их гордость глубоко увязана с их историческим путем.

Глобальное исследование Pew Research Center и локальные опросы выявили следующие приоритеты национальной гордости:

1. США: Культ свободы и индивидуализма. Американцы резко выделяются на фоне европейцев. На открытый вопрос «Чем вы гордитесь в своей стране?» они дают уникальные для остального мира ответы:

Свобода и личные права около 22% американцев называют главным источником гордости личные свободы (свободу слова, религии, выбора).

США оказались единственной страной в мире, где слово «Свобода» заняло абсолютное первое место в опросе о национальной pride.

Экономика и возможности: На втором месте — «американская мечта», обилие возможностей для заработка и сильная экономика (11-13%). Что интересно: Собственной историей американцы гордятся на удивление мало — её упомянули всего 3% опрошенных. Исторический миф США устремлен в будущее и в личный успех, а не вглубь веков.

2. Франция: Наследие, культура и социальные блага. Французы демонстрируют классический европейский «код» гордости за свой образ жизни и исторический статус:

Культура и гастрономия: По данным масштабного исследования института Destin Commun, абсолютное большинство французов гордятся материальным и нематериальным наследием: 93% гордятся французскими пейзажами, 92% — кухней и архитектурой, 87% — языком и традициями. В отличие от американцев, 22% французов прямо заявляют, что гордятся великой историей своей страны. Опросы института CSA показывают, что 84% французских граждан гордятся своей современной армией. Также они традиционно высоко ценят свою систему социальной защиты. При этом французы очень самокритичны, лишь 27% считают свою культуру «превосходящей другие».

3. Великобритания (Англия). Британцы в последние годы переживают серьезный кризис идентичности. По данным YouGov и Ipsos, их гордость носит скорее институциональный и бытовой характер.

Около 21% британцев гордятся национальной культурой и еще 20% — старейшей системой демократии и верховенства права. Жители Великобритании часто называют источником гордости свой менталитет: знаменитое британское чувство юмора, вежливость, толерантность и сдержанность. Отношение к великому колониальному прошлому расколото. Согласно YouGov, только 32% британцев считают Британскую империю поводом для гордости, 19% стыдятся её, а большинству (37%) — всё равно. В целом гордость за британскую историю за последние 15 лет заметно снизилась. Надо обладать чрезвычайно специфическим чувством юмора, что бы гордиться своим колониальным прошлым. Французы по чувству юмора совсем не отстают от англичан, видимо только так можно разглядеть, что то великое в своей истории.

Однако цель этого повествования — вовсе не в том, чтобы составить примитивный реестр российских добродетелей и европейских пороков. Судить историю в категориях бытовой морали — занятие пустое. Задача в другом, зафиксировать фундаментальное, тектоническое расхождение этих исторических линий. Умозрительно продлить эти линии до сегодняшнего дня, и с этой позиции дать оценку современным событиям, ну и немного заглянуть в будущее. Что бы понять ожидает ли нас мир и взаимопонимание.

Столь разная природа государственных организмов породила глубокое непонимание, из которого со временем вырос массивный пласт антироссийских мифов. Принято считать, будто линия российской истории — это непрерывная, печальная хроника деспотизма, отсталости и бесцельных жертв. Но если уйти от навязанных стереотипов и взглянуть на факты непредвзято, окажется, что этот путь не менее логичен, созидателен и уж точно не более мрачен, чем печальные хроники любой из западных империй.

Печальная хроника деспотизма

Парадокс пустых закровов, поясняет зачем, государству дубина. Деспотизм — это не от хорошей жизни. В массовом сознании тиран обычно представляется упитанным господином в золотой короне, который казнит подданных исключительно ради развлечения перед обедом. Но если взглянуть на историю трезво, выясняется грустная правда: деспотизм — это всего лишь жесткий кризис-менеджмент на грани нищеты. В основе любого великого угнетения лежит фундаментальная экономическая боль: катастрофически низкая производительность

труда. Представьте себе средневекового крестьянина. Его технологии — это палка, ковырялка и искренняя молитва о дожде. Производит он ровно столько, чтобы не умереть с голоду до следующей весны. И тут на сцену выходит Государство. Государству нужны замки, армия, дороги и, желательно, шелковые чулки для придворных дам. Откуда все это взять, если подданные балансируют на грани выживания? Правильно: забрать последнее. А чтобы производитель не задавал глупых вопросов вроде «А что мы будем кушать зимой?», его нужно лишить всех прав (чтобы не жаловался). Загнать в беспросветную бедность (чтобы не отвлекался от сохи на размышления о свободе). Держать в перманентном страхе при помощи верной армии (просто для закрепления материала). Это не садизм, это — суровая математика. Ослабь государство хватку хотя бы на секунду, и вся социальная пирамида рухнет, погребя под собой и культуру, и геополитику, и самих крестьян, которых тут же завоюют более деспотичные соседи.

Если вы хотите железно обоснований деспотизма в России с точки зрения экономики, вам обязательно нужно сослаться на монументальный труд академика Леонида Милова «Великорусский пахарь». Именно он научно доказал, что российская государственность — это прямая проекция ужасного климата и низкой урожайности.

Рожь против Пшеницы или гастрономический фатализм

В Средние века геополитическую судьбу Европы определяли не столько гениальные полководцы, сколько две зерновые культуры: элитарная пшеница и неприхотливая рожь. И здесь природа раздала карты с максимальной несправедливостью. Европа (особенно Франция и Южная Англия) вытянула счастливый билет. Благодаря влиянию теплого Гольфстрима зимы там мягкие, а лето — бесконечно длинное. Это идеальные условия для капризной пшеницы. Пшеница — дама благородная, ей нужно много тепла, солнца и долгий вегетационный период. Зато на выходе она дает высокий урожай, а мука получается калорийной, богатой клейковиной. Европейский крестьянин мог позволить себе роскошь пахать землю с марта по ноябрь, неторопливо собирая богатые озимые и яровые урожаи. На Руси климатическая реальность выглядела как приговор. Рабочий сезон у русского крестьянина длился всего пять месяцев — с мая по сентябрь (против 8–9 месяцев в Европе).

За это время нужно было успеть всё: вспахать, засеять, убрать, заготовить сено для скота на бесконечную зиму. Какая уж тут нежная пшеница? Она бы просто сгнила на корню при первых августовских заморозках. Спасением (и одновременно проклятием) стала рожь. Рожь — это сорняк-выживальщик. Ей плевать на бедные подзолистые почвы, она не боится суровых морозов и успевает вызревать за короткое и нервное русское лето. Но у этого чуда была обратная сторона: калорийный тупик. Черный ржаной хлеб гораздо тяжелее для усвоения, в нем меньше белка, и, чтобы получить то же количество энергии, что француз получал от белого багета, русскому пахарю нужно было съесть в полтора раза больше физической массы продукта.

Земля Российской империи жила по строгим законам бухгалтерского учета, где в роли сурового аудитора выступала сама природа. Короткое, как крестьянский отдых, лето не оставляло почве времени на восстановление, а традиционная система трехполья лишь консервировала этот дефицит. Из года в год русский пахарь совершал, по сути, узаконенное ограбление поля: унося зерно и солому, он изымал изголодавшийся почвенный капитал. Природа же честна: на ней растет ровно столько, сколько она может прокормить. Главным спасителем в этой драме выступал скот. Коровы, уходя на весь день в леса и луга, собирали там скудные питательные элементы и приносили их обратно. Полученный навоз без преувеличения становился золотым: его бережно, до последней капли, собирали и несли на пашню, пытаясь замкнуть этот хрупкий круговорот веществ. Однако в России, с ее вечной нехваткой скота и бескрайними просторами, этого «золота» катастрофически не хватало, из-за чего почвы веками постепенно истощались.

Совсем иначе этот баланс выглядел в Западной Европе. Там мягкий климат и высокая плотность населения заставили аграриев раньше отказаться от экстенсивного трехполья. Европейский фермер перешел на интенсивное многополье с посевом кормовых трав (вроде клевера), которые сами по себе насыщали землю азотом. Скот в Европе часто содержался на стойловом кормлении, что позволяло аккумулировать навоз в промышленных масштабах. В итоге, пока европейцы строили конвейерную систему непрерывного обогащения земли, русский крестьянин продолжал вести многовековую войну на истощение с собственным полем, где навоз был не системным решением, а дефицитной скорой помощью.

Дефицит пахотной земли при колоссальной территории — один из главных парадоксов Российской империи второй половины XIX — начала XX века. Наличие огромных пространств не спасало от так называемого аграрного перенаселения.

Несмотря на богатство южных почв, крестьяне долгое время оставались «скупенными» в Центре по целому ряду глубоких исторических, правовых и природно-климатических причин.

Почему не было массового движения на Юг?

На самом деле движение на юг (в Новороссию, Нижнее Поволжье, на Северный Кавказ) происходило, но вплоть до конца XIX века оно сдерживалось жесткими факторами:

- Крепостное право и паспортный режим: До 1861 года большинство крестьян были собственностью помещиков или государства. Они не могли сорваться и уехать. После реформы 1861 года крепостное право отменили, но ввели паспортную систему. Чтобы уехать из деревни, требовалось согласие общины, получить которое было крайне сложно.

- Военная угроза в прошлом: До конца XVIII века южные степи («Дикое поле») были зоной постоянных набегов Крымского ханства и кочевников. Освоение этих земель началось относительно поздно, когда Центральная Россия уже была плотно заселена.

- Дороговизна переселения: Переезд на тысячи километров всей семьей, с инвентарем и скотом, требовал огромных денег. У большинства бывших крепостных, обремененных выкупными платежами, этих средств просто не было. Оформить официальное переселение с государственной субсидией до Столыпинской аграрной реформы (1906 год) было бюрократическим адом.

Почему возникла «скупенность» в Центре?

Центральные губернии (Московская, Рязанская, Тульская, Курская и др.) стали эпицентром кризиса из-за уникального сочетания демографии и традиций:

- Крестьянская община («мир»): Община выступала коллективным владельцем земли. Она распределяла участки между семьями «по душам» (по количеству мужчин). Земля находилась в совместной собственности, и уйти из общины, забрав свой надел в личную собственность, было юридически невозможно до 1906 года. Община буквально удерживала людей на месте.

- Демографический взрыв: Во второй половине XIX века в России резко снизилась смертность (благодаря элементарной медицине и отсутствию глобальных эпидемий), а рождаемость оставалась традиционно высокой. Население империи с 1861 по 1897 год выросло почти вдвое.

- Измельчание наделов: Поскольку численность мужчин в деревнях росла, а количество земли у общины оставалось прежним, при каждом новом переделе земли на одну мужскую душу приходилось всё меньше и меньше площади. Надел сократился в среднем с 4,8 десятин на душу в 1860-х годах до 2,6 десятин к 1900-м годам. Этого едва хватало, чтобы не умереть с голоду.

Почему огромная территория не спасала от дефицита?

Географическая карта Российской империи обманчива. Большая часть ее «огромности» была непригодна для традиционного сельского хозяйства:

Российская империя (общая площадь)

Тундра, тайга и вечная мерзлота (Сибирь, Северо-Восток) — непригодны

Пустыни и степи с солончаками (Средняя Азия, Астрахань) — непригодны

Сравнительно узкая полоса пригодной пашни

Центр (Скученность, истощение почв)

Юг / Черноземье (Потенциал ограничен климатом и законами)

- Климатический фактор: Сибирь казалась бескрайней, но без железных дорог (Транссиб построили только к началу XX века) и современных технологий агрономии осваивать тайгу или зоны вечной мерзлоты было невозможно.

- Южная зона рискованного земледелия: Да, на юге (в Поволжье и Новороссии) черноземы богаче. Но южные степи регулярно страдали от жестоких засух и суховеев. Урожай там был нестабильным: один год — изобилие, три следующих — голод. Центр же, несмотря на бедные подзолистые почвы, имел более стабильное увлажнение.

- Помещичье землевладение: Лучшие и самые плодородные земли на юге и в черноземной полосе часто принадлежали крупным помещикам, а не крестьянам. Крестьяне были вынуждены арендовать эту землю у помещиков на кабальных условиях (отработки, полutorная плата), что не позволяло им развивать собственные эффективные хозяйства.

Итог

Крестьяне оказались заложниками архаичной общинной системы, сословных ограничений и отсутствия капитала для переезда. Только на рубеже XIX–XX веков, с началом строительства Транссибирской магистрали и реформ Петра Столыпина, государство начало активно и массово переселять миллионы крестьян за Урал и на Юг, но времени до 1917 года уже не хватило, чтобы полностью снять аграрное напряжение.

Аграрное казино.

Рожь в Средние века обладала критически малой урожайностью. Система «Сам-3» позволяет понять глубину трагедии, нужно взглянуть на средневековую систему измерения урожая — коэффициент «Сам». «Сам-3» означает, что, бросив в землю одно ведро зерна, осенью вы соберете три ведра. Давайте посчитаем бюджет средневековой русской семьи при урожае «Сам-3» (который был нормой для Руси вплоть до XIX века). Первое ведро из трех собранных нужно сразу спрятать в амбар на весенний сев, иначе в следующем году все просто умрут. Остается два ведра. Второе ведро уходит в качестве налогов, оброка и десятины князю, церкви и местному феодалу (тому самому государству, которое строит армию, чтобы защитить эту землю от кочевников). Остается одно ведро. Третье ведро — это всё, что семья из 6–8 человек может съесть за зиму. Это не просто бедность, это балансирование на грани физического выживания. У русского крестьянина физически не существовало излишков. У него нельзя было «купить» зерно на общегосударственные нужды — налоги можно было только выбить силой. В это же время во Франции и Англии средняя урожайность пшеницы и ячменя составляла «Сам-5», «Сам-7», а в хороших регионах и выше. У европейского крестьянина после уплаты налогов и откладывания семян оставалось 2–3 «лишних» ведра. Из этих излишков рождались рынки, торговля, свободные города, университеты и буржуазия.

Парадокс современного каравая

Как Урал стал пшеничным? Если современный житель Екатеринбурга, Челябинска или Оренбурга посмотрит в окно автомобиля во время загородной поездки, он увидит колосающую золотую пшеницу. У него резонно возникнет мысль: «Какая рожь? О чем этот автор? У нас на Урале пшеница растет прекрасно, а рожь мы видим разве что в бородинском хлебе». И читатель будет прав. Но прав для века XXI, а не для века XII или даже XVII. То, что сегодня кажется естественным, — это результат крупнейшей технологической и географической операции в истории человечества. Вот три причины, почему всё изменилось:

1. Урала и Сибири в «черте оседлости» Древней Руси просто не было. Когда мы говорим о формировании фундамента русского деспотизма (времена Киевской Руси, раздробленности

и Московского царства), Урал и Сибирь не входили в экономический оборот. Древнерусское земледелие варилось в «аду нечерноземья»: Новгород, Псков, Владимир, Суздаль, Москва, Смоленск. Это территории с глинистыми, кислыми подзолистыми почвами и суровым климатом. Пшеница там в Средние века не росла в принципе. Рожь была единственным шансом выжить. Урал и Сибирь начали масштабно распахиваться гораздо позже, а грандиозный сдвиг зернового центра на восток и юг произошел и вовсе в XIX–XX веках.

2. Та пшеница, которая растет на Урале сегодня, и средневековая пшеница — это, грубо говоря, разные существа. В Средние века пшеница была исключительно нежной «южанкой». Но в XIX–XX веках русские и советские селекционеры совершили невозможное: они вывели морозостойкие сорта яровой пшеницы. Яровая пшеница высаживается в мае, растет с бешеной скоростью за счет долгих световых дней уральского лета и успевает созреть к концу августа. Средневековый крестьянин о таких семенах не мог даже мечтать. У него была дикая, капризная культура, которая на Урале или в Подмосковье просто вымерзла бы при первых майских возвратных заморозках. Грубо говоря, мы «научили» пшеницу жить в спартанских условиях. К середине XX века селекция стала настолько сильной, что пшеница (вместе с тракторами, минеральными удобрениями и комбайнами) устроила ржи настоящий геноцид, вытеснив её с полей за ненадобностью.

3. Климат эпохи Ивана Грозного и климат XXI века — это две большие разницы. С XIV по XIX век на планете бушевал так называемый Малый ледниковый период. Зимы были лютыми (в хрониках описаны случаи, когда в июле в Средней полосе выпадал снег), а лето — экстремально коротким и дождливым. В таких условиях рожь была безальтернативным королем выживания. Сегодня же мы наблюдаем глобальное изменение климата: вегетационный период на Урале и в Сибири удлинился, средние температуры выросли, что позволяет теплолюбивой пшенице чувствовать себя на Южном Урале как дома.

В условиях Западной Европы избыток продукта позволял государству быть более гибким. Король мог договориться с городами, ввести пошлины на торговлю, поиграть в парламент и законы. Экономика работала сама, потому что земля кормила людей с запасом. В России же «естественный» ход экономики вел к вымиранию. Если бы русское государство решило поиграть в демократию и английские свободы, крестьяне просто съедали бы всё подчистую, не отдавая ничего наверх (ведь отдавать нечего). В итоге не было бы ни армии, ни городов, ни защиты от набегов. Поэтому жесточайший деспотизм и крепостничество в России стали искусственным аппаратом выжимания ресурсов. Государство было вынуждено превратиться в тоталитарную соковыжималку: только приставив к каждому пахарю по надзирателю с кнутом, удавалось изъять те несчастные граммы ржи, которые позволяли содержать армию и строить империю на вечной мерзлоте.

Три пути к эффективному насилию рассмотрим на примере России, Франции, Англии.

Каждая из этих стран решала проблему «как отнять излишек, которого нет» со своим неповторимым колоритом.

В России природа сама выступила в роли главного тирана, короткое лето, зона рискованного земледелия. Собрать излишки с вольного человека в таких условиях — задача из области фантастики. Поэтому русское государство пошло по самому логичному пути: прикрепило крестьянина к земле намертво. Хочешь — не хочешь, а царю на армию отдай. В итоге получилась удивительная система: чем суровее климат и ниже урожайность, тем сильнее должна быть государственная вертикаль, чтобы эта конструкция вообще не развалилась.

Французы подошли к делу с присущим им вкусом. Земля там лучше, виноград растет, но аппетиты королей росли еще быстрее. Вместо того чтобы просто пугать крестьян армией, их опутали такой сетью налогов, что дышать без разрешения интенданта было признаком дурного тона. Налог на соль (габель), налог на имущество (талья) — французский производитель оставался нищим просто потому, что Версалью требовалось больше золота для поддержания

статуса «Короля-Солнца». И если бы Людовик XIV расслабился, Франция бы просто растаяла в феодальной раздробленности.

Англичане всегда любили делать вид, что они не такие, как все. Когда производительность труда в сельском хозяйстве перестала устраивать лордов, они не стали изобретать новые пытки. Они просто приняли законы об «огораживании» и выгнали крестьян с земли, заменив их более прибыльными овцами. А чтобы оставшиеся без дома люди не бездельничали, ввели знаменитые «законы о бродяжничестве», по которым за нищету можно было запросто отправиться на виселицу. Гуманно, системно, эффективно.

Российское крестьянство не было монолитной серой массой голодающих. Внутри этой «пирамиды» существовало колоссальное расслоение. Пока одни действительно пухли от голода на неплодородном нечерноземье, другие крутили миллионными капиталами, оставаясь при этом крепостными.

Крепостные миллионеры и «счастливые билеты»

Представление о том, что абсолютно все крестьяне до 1861 года сидели в цепях и питались корой — это советский пропагандистский миф. Реальность была куда более интригующей. Главный секрет крестьянского благополучия зависел от двух факторов: географии и формы повинности (оброк или барщина). Барщина (Черноземье, юг). Здесь земля была жирной и богатой. Помещик заставлял крестьян работать на своем поле по 4–5 дней в неделю. Вот тут и жила та самая беспросветная бедность. Крестьянину некогда было заниматься своим хозяйством, он был придатком к плугу.

Оброк (Север, Центральная Россия). Земля здесь была плохой (помните нашу рожь?). Помещики быстро понимали, что заставлять мужика пахать этот песок — себе дороже. И они говорили: «Иди куда хочешь, занимайся чем хочешь, но осенью принеси мне 20 рублей». И мужик шёл. Так появлялись крестьяне-отходники. Они уходили в города, становились плотниками, извозчиками, торговали. Самые предприимчивые открывали трактиры, мануфактуры и ткацкие фабрики.

Знаменитые русские промышленники Морозовы, Прохоровы, Рябушинские начинали как крепостные крестьяне! Савва Морозов, будучи крепостным, основал ткацкую фабрику и сколотил такое состояние, что в 1820 году выкупил себя и свою семью у помещика Гагарина за безумные по тем временам деньги — 17 тысяч рублей золотом (цена огромного имения).

Такие «кулаки» и зажиточные мужики к 1861 году действительно имели кубышки с золотом, скупали земли и вели дела государственного масштаба. Но их было меньшинство — по разным оценкам, от 10% до 15% от общего числа.

Как реально жил средний крестьянин? Если отбросить крайности (нищих батраков и крепостных миллионеров), «среднестатистический» русский крестьянин жил в режиме, который современный человек назвал бы «экстремальным выживанием с элементами стабильности». Диета «Щи да каша»: Мясо на столе появлялось несколько раз в год — по большим религиозным праздникам. Основой рациона были углеводы: ржаной хлеб, каши (гречневая, овсяная), репа, капуста, лук и грибы, собирали и заготавливали ягоды в огромных количествах, разводили кур, гусей и уток, домашняя птица была в каждом нормальном хозяйстве. Парадокс в том, что в урожайные годы этой еды было много. Крестьянин не голодал в физиологическом смысле, он просто питался однообразно.

Избы часто топились «по-черному» (без дымохода, дым шел прямо в комнату), зато это сэкономило дрова и дезинфицировало помещение от паразитов. Зимой в эту же избу пускали мелкий скот (телят, ягнят), чтобы те не замерзли в хлеву. Запахи стояли специфические, но зато тепло.

Почему же население росло, если всё было так плохо? Это главный козырь историков-оптимистов. Рождаемость в русских деревнях была колоссальной — по 8–12 детей в семье. Причина была чисто экономической. Больше детей — больше рабочих рук (особенно сыновей,

на которых община выделяла дополнительную землю). Высокая смертность (особенно детская) компенсировалась еще более высокой рождаемостью. Земля, хоть и со скрипом, но могла прокормить эту растущую массу людей в «хорошие» годы.

Официальная пропаганда Российской империи любила подавать всё именно так: «Его Величество самолично прокладывает стальные магистрали, дабы накормить страждущих. Правда заключается в том, что железные дороги строились не для того, чтобы везти хлеб ГОЛОДНЫМ внутрь страны, а для того, чтобы вывозить хлеб СЫТЫМ за границу. Причем вывозить как можно быстрее, пока порты не замерзли. Экспорт зерна через Черное и Азовское море регулярно сталкивалось с зимним замерзанием портов.

Российская империя плотно сидела на «зерновой игле». Хлеб был главным (и почти единственным) высокодоходным экспортным товаром страны. Государству позарез нужна была валюта — строить заводы, закупать станки, содержать ту самую армию и платить по огромным внешним долгам. Баржи, которые раньше тащили зерно по рекам месяцами (зимой реки замерзали, и навигация вставала), безнадежно устарели. Мировой рынок требовал скоростей. Железные дороги стали скоростным шприцем для впрыскивания русского зерна в европейскую экономику. Знаменитый лозунг министра финансов Ивана Вышнеградского вошел в историю: «Недоедим, но вывезем!» И это была не шутка. Хлеб изымался у крестьян через налоги и подчистую отправлялся на экспорт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.